

СОННАЯ ЛОВУШКА

ЮНУС МУРТАЗИН

Юнус Муртазин

СОННАЯ ЛОВУШКА

«Автор»

2026

Муртазин Ю.

СОННАЯ ЛОВУШКА / Ю. Муртазин — «Автор», 2026

Проснуться на пустой парковке с кровью на руках и полной пустотой в памяти — это только начало кошмара. Анна, врач-гипнолог элитной клиники «Фаза», всегда знала: человеческий разум — это самый опасный лабиринт в мире. Но теперь она сама оказалась заперта в его темных закоулках. С возвращением Виктора, её харизматичного и пугающего наставника из прошлого, реальность начинает давать трещину. В стенах клиники один за другим гибнут пациенты: их собственные фобии превращаются в орудия убийства. Все улики указывают на Анну, а её сознание предательски ускользает, оставляя лишь запах озона и тиканье часов без стрелок. Кто на самом деле управляет её телом, пока она спит? Где заканчивается гипноз и начинается безумие? Анна должна найти ключ к «Сонной ловушке», прежде чем её собственная тень нанесет финальный удар. Психологический триллер, в котором до последней страницы неясно: жертва ты или безжалостный палач.

© Муртазин Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ: Осколки беспамятства	5
ГЛАВА 1: Запах грозы в стерильных стенах	7
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Юнус Муртазин

СОННАЯ ЛОВУШКА

ПРОЛОГ: Осколки беспамятства

Ледяное дыхание ночи, бесцеремонно просачивающееся сквозь невидимые щели в уплотнителе двери, коснулось щеки Анны, заставляя её вздрогнуть и окончательно вырваться из липких, тягучих объятий неестественного, словно пропитанного свинцом забытья. Веки, отяжелевшие от глубокого сна, разомкнулись мучительно медленно, обнажая мир, состоящий из дрожащих серых теней и тусклых отблесков далеких уличных фонарей, едва пробивавшихся сквозь плотную пелену ядовитого ночного тумана. Сознание возвращалось к ней рывками, принося с собой острую, пульсирующую боль в висках и отчетливый металлический привкус на языке, напоминающий о чем-то зловещем, что навсегда осталось за порогом её внезапно опустевшей памяти.

Анна попыталась пошевелиться, однако её тело, скованное парализующим оцепенением, отказывалось подчиняться слабым импульсам воли, будто мышцы превратились в застывший воск, лишенный жизненной силы и способности к движению. Взгляд её, замерший на лобовом стекле, медленно сфокусировался на брелоке-ловце снов, который мерно покачивался на зеркале заднего вида, подобно маятнику, отсчитывающему последние секунды её прежней, упорядоченной жизни. Тонкие перья амулета, когда-то бывшие белоснежными и пушистыми, теперь выглядели жалкими и чужеродными, превратившись в слипшиеся багровые иглы, покрытые густой, еще не успевшей окончательно застыть человеческой кровью.

Сердце Анны пропустило удар, а затем забило с неистовой силой, стремясь вырваться из грудной клетки, внезапно стиснутой парализующим чувством первобытного страха перед неизвестностью, затаившейся в салоне автомобиля. Опустив взгляд на свои ладони, она обнаружила под ногтями темную кайму, свидетельствующую о какой-то отчаянной борьбе, детали которой полностью стерлись из её памяти, оставив лишь ощущение глубокой, ничем не восполнимой пустоты. Тишина, царившая на пустынной парковке, казалась ей почти осязаемой материей, поглощающей любые звуки реального мира и оставляющей её один на один с нарастающим, сводящим с ума шепотом собственного безумия.

Ей почудилось, что из непроглядной тьмы, лежащей за пределами тусклого круга света одинокого фонаря, за ней наблюдают чьи-то холодные, лишенные тепла глаза, изучающие каждое её прерывистое движение с ледяным спокойствием исследователя. Это ощущение чужого присутствия, ставшее почти физически невыносимым, заставило её кожу покрыться колкими мурашками, а дыхание — стать поверхностным и болезненным, словно легким внезапно перестало хватать места в сдавленной ужасом груди. Дрожащими пальцами она нащупала ключ в замке зажигания, ощущая под кожей холодный металл, ставший в это мгновение единственным якорем в мире, стремительно ускользающем прочь в бездну амнезии.

Двигатель отозвался натужным, хриплым воем, который в безмолвии ночи прозвучал подобно крику раненого зверя, предупреждающего об опасности, затаившейся в густых сумерках этого заброшенного, пропитанного тревогой пустыря. Резко переключив передачу и не заботясь о плавности движений, Анна рванула машину с места, стремясь как можно скорее оставить позади это проклятое место и кровавый амулет, продолжавший свой ритмичный танец. Городские улицы, обычно знакомые и безопасные, теперь выглядели как декорации к кошмарному сну, где за каждым углом могла скрываться бездна, готовая поглотить её без остатка вместе с её невольными грехами.

Слёзы, которые она так долго сдерживала, наконец брызнули из глаз, застилая обзор и превращая огни редких светофоров в размытые, кроваво-красные пятна, плывущие навстречу её неконтролируемому и бессмысленному бегству. Она не знала, куда едет, ведомая лишь слепым инстинктом самосохранения, требующим оказаться как можно дальше от того места, где её привычная реальность дала первую, самую глубокую трещину. Гнетущая тревога, поселившаяся в самой глубине её души, шептала, что этот побег — лишь иллюзия, а настоящий кошмар, от которого нельзя скрыться на автомобиле, только начинает свое медленное и торжественное восхождение.

Подъехав к своему дому, Анна еще долго сидела в машине, прислушиваясь к биению собственного сердца, которое постепенно замедляло свой сумасшедший бег, уступая место ледяному, парализующему волю осознанию непоправимости случившегося. Она заставила себя выйти на улицу, ощущая под ногами твердую почву, которая, тем не менее, казалась ей зыбкой и ненадежной, словно она ступала по тонкому льду над бездонной пропастью. В подъезде пахло старой пылью и мокрым бетоном, но даже эти привычные запахи не могли вытеснить аромат озона и меди, преследовавший её сознание и заставлявший её вздрагивать от каждого случайного шороха.

Оказавшись в ванной, она включила ледяную воду и начала яростно оттирать руки, стараясь смыть невидимое, но глубоко въевшееся клеймо преступления, которое она совершила или свидетелем которого стала по воле случая. В зеркале на неё смотрела бледная женщина с впалыми щеками и глазами, в которых застыл немой вопрос, на который у неё пока не было ответа, способного сохранить остатки её рассудка. Анна выключила свет, погружая квартиру во тьму, но даже в этой тишине она чувствовала, что пробуждение на парковке было лишь первым актом в грандиозной игре, где ей отведена роль главной, ничего не подозревающей жертвы.

ГЛАВА 1: Запах грозы в стерильных стенах

Клиника «Фаза», скрытая за величественным фасадом из тонированного стекла и матового алюминия, казалась со стороны безупречным оплотом современной науки, обещающим исцеление самым измученным и заблудшим душам мегаполиса. Внутри здания царила атмосфера стерильного, почтительного безмолвия, изредка нарушаемая лишь мягким гулом системы климат-контроля и ритмичным, уверенным перестуком каблучков Анны, эхом отдающимся от безупречно отполированного пола длинных коридоров. Воздух здесь, искусственно очищенный и ионизированный, всегда сохранял легкую прохладу, создавая у пациентов обманчивое иллюзорное чувство безопасности и абсолютного контроля над собственным, подчас неуправляемым разумом.

Остановившись перед массивной дверью своего кабинета, Анна поправила безупречно белый халат и сделала глубокий вдох, стараясь подавить внутреннюю дрожь, которая не покидала её с того самого момента, как она проснулась в машине. Сегодня её ждала Катя — молодая женщина, чья жизнь превратилась в бесконечную череду прятков с реальностью из-за тяжелой эйзоптрофобии, панического страха перед любыми отражающими поверхностями. В кабинете Анны все зеркала были предусмотрительно закрыты плотной, тяжелой тканью темно-серого цвета, чтобы не провоцировать у пациентки приступы неконтролируемого ужаса, способного разрушить хрупкий прогресс их терапии.

— Доброе утро, Катя, проходите и располагайтесь там, где вам будет удобнее всего, — произнесла Анна мягким, обволакивающим голосом, который она годами оттачивала, стремясь вызвать у своих подопечных полное доверие.

Пациентка, съежившаяся в глубоком кресле и напоминавшая испуганную птицу, едва заметно кивнула, продолжая судорожно сжимать в руках края своей кофты, словно это была единственная нить, связывающая её с миром. Анна подошла к аппарату «Гипно-Сон», чьи матовые панели скрывали сложнейшие электромагнитные катушки, предназначенные для тонкой настройки нейронных ритмов и погружения человека в состояние управляемого, терапевтического транса. Включив систему, Анна почувствовала, как по комнате поплыл низкочастотный вибрационный гул, а в воздухе мгновенно распространился резкий, колющий аромат озона, возникающий при работе мощных ионизаторов.

Внезапно этот запах стал невыносимо плотным, почти осязаемым, заставив Анну на мгновение потерять ориентацию в пространстве, в то время как стены кабинета начали медленно плавиться и стекать вниз тягучими каплями. Перед её глазами вспыхнули яркие, ослепительно синие искры, сливающиеся в причудливые узоры, напоминающие структуру нейронной сети, пульсирующей в такт её собственному, внезапно ускорившемуся сердцебиению. На какую-то долю секунды она ощутила ледяное прикосновение к своему затылку, словно кто-то невидимый стоял прямо за её спиной, внимательно изучая её реакции и безмолвно насмехаясь над её попытками сохранить профессиональное хладнокровие.

Придя в себя, Анна обнаружила, что её рука, судорожно сжимающая край стола, заметно дрожит, а на лбу выступила холодная испарина, заставляющая её чувствовать себя уязвимой и слабой перед лицом этой необъяснимой вспышки. Катя, погруженная в легкую дремоту под воздействием электромагнитной стимуляции, совершенно не заметила того кратковременного безумия, которое только что произошло с её врачом в этой стерильной, защищенной от внешних бурь комнате. Анна бросила быстрый взгляд на мониторы, фиксирующие активность мозга пациентки, и отметила, что все показатели остаются в пределах нормы, несмотря на ту бурю, что только что пронеслась в её собственном сознании.

— Анна Сергеевна, вы здесь? Мне показалось, что на мгновение всё вокруг просто исчезло, оставив лишь этот странный запах грозы, — тихо проговорила Катя, не открывая глаз и продолжая пребывать в пограничном состоянии.

— Всё хорошо, Катя, это лишь естественная реакция вашего восприятия на изменение ионного состава воздуха, не стоит об этом беспокоиться, — ответила Анна, поражаясь своей способности лгать столь уверенно.

Она понимала, что произошедший инцидент не был простой галлюцинацией или следствием переутомления, так как запах озона продолжал преследовать её, вызывая в памяти те обрывки теней, что мучили её на парковке. Завершив сеанс, Анна проводила пациентку до двери, стараясь не смотреть на закрытые тканью зеркала, опасаясь увидеть в них нечто, что окончательно разрушит её представление о реальности и собственной адекватности. Оставшись одна, она опустилась в кресло, чувствуя, как тяжесть пережитого опыта давит на неё, заставляя осознать: ловушка, в которую она попала, начала медленно, но неумолимо захлопываться.

ГЛАВА 2: Тень десятилетней давности

Спускаясь в цокольный этаж клиники «Фаза», где располагался архив, Анна ощущала, как температура воздуха стремительно падает, а привычные звуки работающего медицинского учреждения сменяются гнетущей, почти кладбищенской тишиной. Лампы дневного света, мигая и издавая сухое потрескивание, выхватывали из полумрака бесконечные ряды стеллажей, на которых, подобно скелетам в шкафу, покоились тысячи историй болезней и журналов учета препаратов. Воздух здесь был пропитан запахом старой бумаги и сухой пыли, которая, поднимаясь при каждом её шаге, оседала на гортани неприятным, горьковатым привкусом давно забытых тайн. Анна шла вперед, ведомая лишь инстинктивным желанием найти подтверждение или опровержение своим смутным подозрениям, возникшим после инцидента с аппаратом и загадочного пробуждения на парковке.

Она остановилась перед секцией, помеченной ярлыком «2014», и почувствовала, как её пальцы, коснувшиеся корешка нужной папки, мгновенно онемели от холода, исходящего от металла полок. Вытянув тяжелый журнал учета сильнодействующих седативных средств, она положила его на небольшой стол, освещенный одинокой лампой, чей свет казался в этом подземелье болезненно желтым и неживым. Перелистывая страницы, исписанные каллиграфическим почерком её предшественников, Анна наконец нашла ту самую запись, которая десять лет назад стала отправной точкой её стремительного карьерного взлета и одновременно — её самым тяжелым моральным бременем. На полях, рядом с отметкой о выдаче ксилазина, красовалась её собственная подпись, выглядевшая на фоне пожелтевшей бумаги как неопровержимое свидетельство совершенного когда-то подлога.

Глядя на эти чернила, Анна вновь перенеслась в ту роковую ночь, когда она, молодая и амбициозная аспирантка, решила исправить цифры в журнале, чтобы скрыть фатальную ошибку своего наставника, в которого была безответно влюблена. Тот поступок, казавшийся тогда актом самопожертвования и высшей преданности, теперь виделся ей лишь постыдной слабостью, за которую ей приходилось расплачиваться годами подавленной тревоги и бессонницы. Внезапно её взгляд зацепился за узкую полоску бумаги, торчащую между страницами, — небрежно вложенную записку, которая явно не должна была находиться в строго подотчетном документе. Вытянув её дрожащими руками, Анна увидела лишь одну короткую фразу, написанную размашистым, безупречно четким почерком, который она не спутала бы ни с чьим другим: «Я приду за тобой».

Эти три слова, лишённые всяких знаков препинания, прозвучали в тишине архива подобно пушечному выстрелу, заставив Анну судорожно вдохнуть пыльный воздух, ставший в это мгновение невыносимо густым и тяжелым. Она поняла, что Виктор, исчезнувший из её

жизни сразу после того инцидента, не просто вернулся в город, но и каким-то образом получил доступ к самым сокровенным и опасным уголкам её прошлого. Чувство безопасности, которое она так долго выстраивала в стенах клиники, окончательно рухнуло, оставив её один на один с призраком человека, знающего о ней слишком много. Она быстро захлопнула журнал, стараясь подавить нарастающую тошноту, и прижала записку к груди, словно та была ядовитым насекомым, способным ужалить её в самое сердце.

Вернувшись в свой кабинет, Анна долго сидела в темноте, глядя на город сквозь панорамное окно и пытаясь найти логическое объяснение тому, как Виктор мог узнать о её тайном визите в архив. Ей казалось, что стены комнаты, еще недавно дарившие покой, теперь сжимаются вокруг неё, превращаясь в тесную клетку, из которой нет выхода, кроме как принять брошенный вызов. Записка в её руке постепенно согревалась, но её содержание продолжало излучать ледяную угрозу, обещающую разрушить всё, чего Анна достигла за эти долгие, полные самообмана годы. Она знала, что должна связаться с ним первой, пока он не предпринял следующий шаг, способный окончательно лишить её контроля над собственной жизнью и рас судом.

ГЛАВА 3: Ужин с призраком

Ресторан «Селен», скрытый в одном из тихих переулков исторического центра, встречал своих гостей приглушенным светом хрустальных люстр и мягким, обволакивающим ропотом джазового квартета, играющего где-то в глубине зала. Анна, одетая в строгое черное платье, подчеркивающее её болезненную бледность, стояла у входа, чувствуя, как шум дождя за её спиной постепенно вытесняется ароматами дорогого табака и изысканной кухни. Она заметила Виктора сразу — он сидел за дальним столиком у окна, глядя на бегущие по стеклу капли воды и сохраняя на лице выражение абсолютного, почти пугающего спокойствия. Его облик, сохранивший прежнюю аристократическую четкость линий, теперь казался еще более внушительным, словно годы, проведенные вдали от неё, лишь добавили ему опасного очарования.

— Анна, я искренне рад, что ты нашла в себе силы и смелость откликнуться на мое приглашение, несмотря на ту двусмысленность, которая всегда окружала наши отношения, — произнес он, поднимаясь ей навстречу.

Его голос, глубокий и бархатистый, коснулся её слуха, вызвав невольную дрожь, которую она поспешила скрыть, опускаясь на предложенное кресло.

— Твои методы связи, Виктор, всегда отличались излишним драматизмом, — ответила она, стараясь, чтобы её тон звучал максимально отстраненно, хотя сердце в груди билось с частотой загнанного в силки зверя. — Записка в журнале учета — это не просто напоминание о прошлом, это прямое посягательство на мой нынешний статус и безопасность клиники.

Виктор лишь слегка улыбнулся, и в этой улыбке Анна прочитала смесь снисходительности и глубокого, почти отеческого сочувствия, которое раздражало её гораздо сильнее, чем открытая враждебность.

— Я здесь не для того, чтобы ворошить старые пепелища или угрожать твоему благополучию, которое ты так старательно возводила на фундаменте моих собственных ошибок и нашего общего молчания, — мягко произнес он, наполняя бокалы темным, почти черным вином. — Я вернулся, потому что знаю о твоих страданиях, о тех кошмарах, которые с каждым днем всё сильнее разъедают твою душу, лишая возможности отличить явь от иллюзии.

Анна замерла, поднося бокал к губам, и посмотрела на него сквозь призму граненого хрустала, в котором его лицо исказилось, превращаясь в причудливую маску, напоминающую ту безликую тень из её видений. Она хотела возразить, обвинить его в слежке или психологическом давлении, но слова застряли в горле, наткнувшись на непреклонную уверенность в его взгляде.

— Мои авторские методики гипноза, которые я совершенствовал всё это время в лучших лабораториях Европы, способны помочь тебе там, где бессильны стандартные протоколы клиники «Фаза», — продолжал он, наклоняясь ближе. — Я предлагаю тебе не просто лечение, а освобождение от тех оков памяти, которые заставляют тебя просыпаться в крови и страхе на пустых парковках.

Предложение Виктора прозвучало как единственный возможный выход из того лабиринта, в котором она оказалась, хотя каждая клетка её тела кричала об опасности подобного союза с человеком, предавшим её однажды. Романтическое напряжение, возникшее между ними, казалось почти осязаемым, смешиваясь с запахом вина и дождя, создавая иллюзию близости, которая была так необходима её измученному одиночеством разуму. Анна чувствовала, как её сопротивление медленно тает под воздействием его магнетизма, оставляя лишь горькое осознание того, что она добровольно вверяет свою судьбу в руки того, кто однажды уже превратил её жизнь в руины.

— Хорошо, я приду на твой сеанс, Виктор, но помни: если это очередная игра, направленная на то, чтобы вернуть власть над моим разумом, я найду способ уничтожить тебя раньше, чем ты успеешь произнести первое слово своего внушения, — прошептала она, принимая вызов.

Виктор лишь склонил голову в знак согласия, и в полумраке ресторана его глаза сверкнули торжествующим блеском охотника, который точно знает, что жертва, несмотря на все её угрозы, уже не сможет покинуть расставленную для неё ловушку. Ужин продолжался в странной, почти сюрреалистичной атмосфере, где за внешним блеском светской беседы скрывались тени невысказанных претензий и предчувствие грядущей катастрофы, способной стереть границы между сном и реальностью. Когда они прощались у входа, Виктор коснулся её руки, и это мимолетное прикосновение оставило на коже Анны ощущение ледяного холода, который не смог развеять даже теплый воздух салона её автомобиля.

ГЛАВА 4: Безвременье в золотой оправе

Старый лифт, облицованный потемневшими от времени дубовыми панелями, поднимался на верхний этаж с натужным, прерывистым скрипом, напоминающим сдавленный стон человека, вынужденного нести на своих плечах непосильное бремя чужих секретов. Анна стояла в тесной кабине, вглядываясь в собственное искаженное отражение в тусклой латунной табличке, и чувствовала, как с каждым преодоленным метром высота отделяет её от привычного мира, погружая в пространство, где время текло по иным, неведомым ей законам. Когда двери наконец разошлись, она оказалась в просторном холле, залитом мягким, янтарным светом, который исходил от многочисленных бра, стилизованных под старинные канделябры и создававших игру теней на стенах. Виктор ждал её у порога своей квартиры, одетый в домашний пиджак из глубокого синего бархата, который придавал его облику сходство с аристократом-затворником, решившим навсегда скрыться от суеты внешнего мира.

Его апартаменты представляли собой причудливое сочетание антикварного салона и передовой научной лаборатории, где тяжелые книжные шкафы, забитые фолиантами в кожаных переплетах, соседствовали с тонкими мониторами и переплетениями серебристых проводов. В воздухе витал сложный, многослойный аромат, в котором благородные ноты сандала и старой бумаги переплетались с резким, едва уловимым запахом озона, уже ставшим для Анны предвестником грядущих перемен. Она прошла вглубь комнаты, ощущая под ногами мягкость персидского ковра, ворс которого полностью поглощал звук её шагов, создавая атмосферу абсолютной, почти гнетущей тишины, прерываемой лишь далеким рокотом города. Виктор жестом пригласил её к массивному столу из карельской березы, на котором среди разбросанных чертежей и записей стоял небольшой предмет, накрытый куском тяжелого черного шелка.

— Прежде чем мы приступим к обсуждению нашего первого полноценного сеанса, я бы хотел вручить тебе нечто особенное, что долгое время ждало своего часа в недрах моей коллекции, — произнес он с интонацией опытного искусителя.

Он медленно, с театральной неспешностью потянул за край ткани, открывая взору Анны старинные карманные часы, чей золотой корпус был покрыт тончайшей гравировкой, изображающей переплетающиеся ветви мифического древа, стремящегося к невидимому небу. Когда Анна, повинувшись его безмолвному приглашению, взяла их в руки, она с изумлением обнаружила, что под тяжелым сапфировым стеклом полностью отсутствуют стрелки, а на их месте зияет пугающая, притягательная пустота. Гладкий циферблат, лишенный цифр и делений, казался входом в бесконечность, где человеческая жизнь переставала измеряться минутами, превращаясь в чистую, не замутненную расчетами энергию вечного настоящего.

— Гравировка на внутренней стороне крышки гласит: «Когда время перестаёт иметь значение, истина обретает плоть», — прошептал Виктор, внимательно наблюдая за тем, как пальцы Анны невольно поглаживают холодный, идеально отполированный металл. — В мире снов, куда мы с тобой вскоре отправимся, привычные секунды — это лишь кандалы, которые мешают нашему разуму достичь истинных глубин самопознания и окончательного исцеления от старых ран.

Анна чувствовала, как от этого странного подарка исходит едва заметная, высокочастотная вибрация, словно внутри пустого механизма всё ещё билось невидимое сердце, отсчитывающее ритм иной, недоступной обычному глазу реальности. Она перевернула часы, рассматривая сложное плетение узоров, и ей на мгновение показалось, что золотые ветви на корпусе шевельнулись, стремясь обвиться вокруг её запястья и навсегда приковать её к этому странному человеку. Чувство тревоги, которое на мгновение отступило под воздействием гостеприимства хозяина, вернулось с новой силой, заставляя её сердце биться чаще в предчувствии неизбежного столкновения с правдой.

— Это слишком дорогой и необычный подарок, Виктор, я не уверена, что имею право принять его, не понимая до конца истинной подоплеки твоего жеста, — произнесла она, пытаясь вернуть часы на стол.

— Не воспринимай это как дар, Анна, считай это инструментом, своего рода якорем, который поможет тебе сохранять фокус в те моменты, когда лабиринты твоего подсознания станут слишком запутанными и пугающими. Эти часы не отсчитывают время, они фиксируют твое присутствие в «здесь и сейчас», напоминая о том, что ты — полноправная хозяйка своих видений, а не их безвольная жертва.

Он подошел ближе, и Анна снова почувствовала тот странный магнетизм, который исходил от него, заполняя собой всё окружающее пространство и лишая её возможности мыслить критически и отстраненно от происходящего. Его близость вызвала у неё смесь восторга и необъяснимого отвращения, словно она стояла на краю высокой скалы, замороженная красотой открывающейся бездны, но полностью осознающая смертельную опасность каждого следующего шага. Виктор смотрел на неё с такой нежностью, что на мгновение ей захотелось отбросить все подозрения, накопившиеся за последние дни, и просто довериться этому человеку, обещающему избавление от боли.

ГЛАВА 5: Анатомия тишины

Спускаясь в гулкие, лишённые солнечного света недра городского морга, где каждый шаг отзывался ледяным эхом от кафельных стен, Анна невольно поправила воротник, тщетно пытаясь защититься от пронизывающего холода. Это место, пропитанное запахом вечности и химических реагентов, всегда вызвало у неё двойственное чувство: первобытный трепет перед конечностью бытия и странное спокойствие, проистекающее из абсолютной, безжалостной честности наступившей смерти. Воздух здесь был тяжелым, насыщенным едкими парами

формалина, которые, смешиваясь с ароматом крепкого кофе из кабинета Михаила, создавали сюрреалистичную ольфакторную композицию, характерную лишь для этого печального заведения. Анна толкнула тяжелую дверь, чувствуя, как её ладонь мгновенно остывает от соприкосновения с металлом, и оказалась в царстве патологоанатома, где жизнь и смерть вели свой бесконечный диалог.

Михаил, сутулый мужчина с копной седеющих волос и пронзительным взглядом человека, привыкшего искать истину в разрезах плоти, сидел за своим рабочим столом, полностью погруженный в изучение каких-то документов. В его кабинете, заставленном банками с консервированными образцами тканей и стопками историй болезней, всегда царил хаос, который сам хозяин именовал «упорядоченной энтропией накопленного за десятилетия опыта». Увидев Анну, он поднял голову и улыбнулся той самой усталой, понимающей улыбкой, которая за годы их долгой дружбы не раз становилась для неё единственной опорой в моменты профессиональных кризисов. Он жестом указал на колченогий стул, стоящий рядом с прозекторским столом, на котором под белой простыней угадывались очертания очередного безмолвного обитателя этого мрачного, скрытого от глаз подземелья.

— Ты пришла вовремя, Анна, хотя я и не ожидал увидеть тебя в столь ранний час в этом обиталище теней и невысказанных при жизни сожалений, — произнес Михаил, отпивая кофе из своей старой кружки. — В деле твоей пациентки, Кати, появились детали, которые совершенно не вписываются в известные мне медицинские стандарты, заставляя мой старый разум сомневаться в незыблемости биологических законов.

Анна почувствовала, как внутри неё снова зашевелился тот самый холодный страх, который преследовал её последние дни, заставляя видеть скрытую угрозу в самых привычных и обыденных вещах окружающего мира. Она подошла ближе к столу, стараясь не смотреть на скрытое под белой тканью тело, и сосредоточила всё свое внимание на мониторе компьютера, где Михаил открыл папку с макроснимками. Изображения, выполненные с пугающей четкостью, демонстрировали участки бледной кожи, на которой проступали странные пятна, полностью лишенные естественной пигментации и привычного рисунка капилляров, что выглядело крайне необычно для данного случая.

— Посмотри внимательнее на эти области, расположенные вдоль позвоночника и на внутренней стороне запястий, где кожный покров кажется почти прозрачным, — Михаил увеличил один из снимков, привлекая её внимание к деталям. — Это не трупные пятна и не последствия химического воздействия, поскольку структура клеток в этих местах изменена на каком-то фундаментальном уровне, который я пока не могу идентифицировать с полной уверенностью.

Он провел курсором по экрану, подчеркивая странную, пугающую симметрию этих меток, которые при определенном угле освещения казались флуоресцирующими, словно под кожей жертвы всё еще теплилась какая-то иная, чужеродная форма энергии. Анна невольно вспомнила резкий запах озона в своем кабинете и те странные вибрации, которые она ощущала от подаренных Виктором часов, и фрагменты мозаики в её голове начали складываться в пугающую картину. Она представила, как Катя лежала в своей палате, окруженная невидимым полем, которое медленно вытягивало из неё жизненные силы, превращая её потаенные страхи в смертоносное оружие, направленное против неё самой.

— Я сохранил эти фотографии и результаты первичных тестов в обход официальной базы данных, потому что чувствую, что это дело скоро попытаются замять на самом высоком уровне управления клиникой, — прошептал Михаил.

Он передал ей папку с распечатками, и Анна почувствовала, как бумага обжигает её пальцы, словно она прикасалась к уликам, способным уничтожить не только её карьеру, но и жизни многих других ни в чем не повинных людей. Она знала, что теперь не сможет просто закрыть глаза на увиденное, так как истина, проступившая на коже её погибшей пациентки,

требовала немедленных действий и решительного расследования обстоятельств этой трагедии. Выйдя из морга, Анна с жадностью вдохнула свежий уличный воздух, который, впрочем, не принес ей долгожданного облегчения, оставаясь пропитанным предчувствием надвигающейся катастрофы, способной стереть границы между сном и реальностью.

ГЛАВА 6: Соната в сумерках разума

Частная студия Виктора, расположенная в мансардном этаже старинного особняка, встречала Анну полумраком, в котором очертания предметов казались зыбкими и текучими, словно они были вырезаны из самой ночной темноты. Воздух здесь, лишенный привычной для клиники стерильности, был густо замешан на ароматах дорогого сандала и старой кожи, сквозь которые едва уловимо пробивался уже знакомый, колющий запах озона, предвещающий работу мощного оборудования. В центре комнаты, под конусом мягкого света одинокой лампы, стояло глубокое кресло, обитое темным шелком, чья эргономичная форма обещала полное расслабление, граничащее с потерей контроля над собственным телом. Виктор, двигаясь с бесшумной грацией хищника, уверенного в своей безнаказанности, подготавливал аппаратуру, чьи индикаторы мерцали в тени подобно глазам затаившихся в лесу существ, ожидающих сигнала к началу охоты.

— Садись, Анна, и постарайся отбросить все те навязчивые мысли, которые, подобно надоедливому насекомому, роятся в твоём сознании, мешая нам достичь необходимой чистоты восприятия, — произнес он, и его голос, ставший в этой тишине глубоким и вибрирующим, казалось, проникал под самую кожу.

Она опустилась в кресло, чувствуя, как мягкая ткань мгновенно обволакивает её тело, лишая возможности совершить резкое движение и создавая иллюзию невесомости, от которой кружилась голова. Виктор закрепил на её висках прохладные гелевые датчики, чье прикосновение вызвало у Анны мимолетную дрожь, быстро сменившуюся странным оцепенением, медленно разливающимся по её венам вместе с ритмичными ударами сердца. Он установил перед ней те самые золотые часы без стрелок, которые в полумраке студии начали излучать ровное, притягательное сияние, приковывающее к себе её взгляд и лишаящее воли к сопротивлению.

— Смотри в центр циферблата, Анна, туда, где пустота встречается с бесконечностью, и слушай только мой голос, становящийся для тебя единственной нитью, связывающей твой разум с реальностью, — продолжал Виктор, начиная мерный, усыпляющий отсчет.

С каждым его словом окружающее пространство начало отдаляться, становясь неразличимым фоном, на котором существовало лишь золотое сияние часов и этот обволакивающий, властный шепот, диктующий правила игры. Анна чувствовала, как её сознание, подобно тяжелому камню, брошенному в глубокий колодец, погружается в вязкую, теплую темноту своего подсознания, где время переставало существовать как физическая величина. Образы реальности — дождь за окном, запах сандала, очертания кресла — начали растворяться, уступая место сюрреалистичным ландшафтам, рожденным в самых потаенных уголках её измученного мозга.

Она оказалась в бесконечном коридоре, стены которого были сотканы из тумана и мерцающих искр, напоминающих электрические разряды, пробегающие по нейронным сетям в моменты наивысшего напряжения. Анна шла вперед, ощущая под ногами податливую, похожую на песок субстанцию, которая поглощала звуки её шагов, делая её присутствие в этом мире абсолютно безмолвным и призрачным. Холодный воздух, пахнущий озоном и застоявшейся водой, обжигал её легкие, заставляя дышать часто и прерывисто, в то время как голос Виктора продолжал звучать где-то над её головой, задавая вопросы о её снах и видениях.

— Что ты видишь сейчас, Анна? Какая форма принимает твой страх в этом пространстве, где нет места лжи и социальным маскам, которые ты так привыкла носить в повседневной

жизни? — его вопрос эхом отозвался в туманном коридоре, заставляя стены вибрировать и искажаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.